

Хитрый и расчетливый преступник по прозвищу Доктор придумал, как обмануть банкоматы. Фальшивые купюры — его спасение. Искусно и оправданно наказывая «Юпитер-банк», Доктор мастерски сводит счеты со своими врагами: из-за них он потерял любимую работу, именно они чуть не убили его единственную дочь...

Боль и жестокость, подлое предательство и справедливая расправа. Доктор превращает месть в настоящее искусство. Но никто не знает, что им движет, и никто не догадывается, что в его жизни начался обратный отсчет...

Только не подумайте, что я убийца или бандит. Нет, я действую без оружия. У меня есть четкий план, как добыть деньги. Незнающие люди сочтут его фантастическим или безумным, но план работает.

Доказательство — тяжелая сумка в моей руке. Она набита банкнотами, которые я... Какое бы слово подобрать, поточнее. Украл? Нет, это не совсем так. Добыл? Чуть ближе к истине, но все равно не отражает сути моей деятельности. Заслужил? Да, конечно! Мне сорок лет, и минимум двадцать пять из них я учился, трудился, развивал свои мозги, чтобы в критический момент они подсказали мне верный путь. Сумка с деньгами — это вознаграждение за долгие годы серых будней...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-3355-3

9 786171 1233553

НА ЛИНИИ ОГНЯ

СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ

СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ

НА ЛИНИИ
ОГНЯ

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ

НА ЛИНИИ
ОГНЯ

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
2017 ДОСУГА

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос)
Б19

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки Сергей Ткачев

ISBN 978-617-12-3355-3

- © Бакшеев С., 2017
- © DepositPhotos.com / london-deposit, StockLite, обложка, 2017
- © Nemiго Ltd, издание на русском языке, 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2017

Пролог

Мною движет единственная цель — мне нужны деньги. А кому они не нужны — усмехнетесь вы. Это так, но у меня особая ситуация. Мне нужно много денег, и у меня нет времени, чтобы заработать их честно. Я рассчитал точную сумму — более ста миллионов рублей. Даже самая высокооплачиваемая работа, соответствующая моему интеллекту, будет приближать меня к заветной цели черепашьими шагами. А я не могу ждать. Причина проста — в любой момент я могу загнуться и сдохнуть.

Да, черт возьми, мне суждено умереть раньше, чем вам! И эту ужасную реальность никак не исправить. Ни вы, ни я, никто другой на огромной планете не в силах мне помочь.

Ну и пусть. Только смирившись с неизбежным уходом, я осознал, насколько стал сильнее. Да, вы не ослышались. Мне нечего терять, я ничего не боюсь, все худшее в моей жизни уже случилось, поэтому я готов рисковать, рисковать по-крупному, поставить на кон свою жизнь, чтобы сорвать куш.

Только не подумайте, что я убийца или бандит. Нет, я действую без оружия. У меня есть четкий план, как добыть деньги. Незнающие люди сочтут его фантастическим или безумным, но план работает.

Доказательство — тяжелая сумка в моей руке. Она набита банкнотами, которые я... Какое бы слово подобрать поточнее... Украл? Нет, это не совсем так. Добыл? Чуть ближе к истине, но все равно не отражает сути моей деятельности. Заслужил? Да, конечно! Мне сорок лет, и минимум тридцать из них я учился, трудился, развивал свои мозги, чтобы в критический момент они

подказали мне верный путь. Сумка с деньгами — это вознаграждение за долгие годы серых будней.

Серые... Это безликое слово преследует меня всю жизнь. Дело в том, что мое имя — Юрий Серов, и, разумеется, школьные приятели называли меня Серым. Серый — ни то ни се, ни черный, ни белый, другими словами, посредственный.

И вот я доказал, прежде всего себе, что они ошибались. Сейчас в моих руках большая сумма денег. Как же приятна их тяжесть! Теперь я не Серый, я — Доктор. Под этим именем я известен поделщикам и клиентам, о нем слышали и в полиции, но до сих пор не знают, кто за ним скрывается. Я почти победил. Правда, скользкое «почти» как петля на моей шее.

Дело в том, что сумма в моих руках хоть и большая, но недостаточная. Я еще не довел свой план до конца и вынужден рисковать дальше. Наша игра в кошки-мышки продолжается. Я уверен, что перехитрю полицию, однако не догадываюсь, что сейчас за подкладкой моего пиджака «маячок», по которому меня отслеживают.

В любой момент это может стать катастрофой.

Вы хотите знать подробности? Надеюсь, вы не из полиции. Впрочем, когда там прочтут эти записи, меня, скорее всего, уже не станет.

Ваша жизнь идет по накатанной колее, и вы полагаете, что так будет всегда? Вы знаете, что будет завтра, через неделю? За полгода планируете свой отдых? Наивные. Я тоже так жил, пока в один обычный день злой рок не дал мне подсечку. Бац — и я на лопатках!

Больно. Так больно, что жить не хочется. Но я не могу оставить в беде своих близких. Поднявшись после удара судьбы, я оказался в другой реальности, и мне пришлось кардинально измениться, чтобы впредь устоять на ногах.

1

Въезд на территорию больницы перегораживал шлагбаум. Я бросил машину где придется и, шлепая по лужам, побежал прямо к приемному отделению. За спиной осталась майская предраб-

ная улица, пахнувшая цветущей сиренью, а за порогом меня ждал стремящийся к стерильности мир с негаснущим белым светом и усиливающим тревогу стойким запахом моющих средств. От специфического духа при посещении больницы у меня всегда портилось настроение, что уж говорить про этот визит. Я порвал два комочка бахил, которые никак не хотели расправляться, прежде чем нацепил их на мокрые туфли.

Существо в белом халате — я не заметил ни пола, ни возраста — провело меня к двери кабинета на втором этаже. Там меня встретил усталый взгляд немолодого лысеющего грузина. Врач сидел за столом и был одет в хирургический костюм с коротким рукавом и треугольным вырезом на груди, где из-под белой футболки протискивались черные волоски. Эти нелепые завитушки, похожие на проволоочки, выглядели совершенно неуместно в лечебном заведении.

Пока я восстанавливал дыхание, хирург изучал меня сквозь стекла очков в стальной оправе. Наконеч густая щеточка его усов, ограниченных уголками губ, пошевелилась, хозяин кабинета представился:

— Давид Гелашвили, хирург. — Жестом руки он предложил мне сесть, а затем уточнил: — Вы отец?

— Серов Юрий Андреевич, — торопливо ответил я и даже потянулся за паспортом, но понял, что это лишнее. Меня терзала неизвестность. — Что с Юлей?

— Мы вытащили ее, но состояние девушки по-прежнему тяжелое. — Хирург умолк, сложив перед собой сильные волосатые руки, на которых просматривался рисунок вен.

— Да не молчите вы! — Я подпрыгнул на стуле. — Что значит «тяжелое»?

Хирург не спешил. Он перебрал какие-то бумаги, сунул их в стол, снял очки, помассировал уставшие глаза.

— Сколько лет вашей дочери? — спросил он, не поднимая взгляда.

— Восемнадцать.

— Несчастливая любовь?

— О чем вы?

Врач тяжело вздохнул и водрузил очки на нос. Поколебавшись, он объяснил:

— Ваша дочь выпила уксусную эссенцию. В результате — химическое повреждение желудочно-кишечного тракта, острая почечная недостаточность... Крайне болезненный способ самоубийства.

Жуткое слово резануло, как нож по живому. Я затряс головой:

— Нет, Юля не могла. Что вы несете! Это невозможно. Дочь радовалась жизни, строила планы, на днях ей выпала большая удача. Да она... у нее все только начиналось!

Гелашвили выдернул бумажную салфетку из коробочки, протер ею лоб и невнятно пробормотал:

— Издержки профессии.

— Ну, знаете ли, а это вас не каса... — Я осекся. Не помню, чтобы я упоминал о профессии дочери.

— Касается. К сожалению, чаще, чем хотелось бы. Я — хирург, и постоянно наблюдаю, как обрывается безмятежная жизнь. Человек не видит, не слышит, что рядом пропасть: шаг в сторону — и он в полете. Разобьется или выкарабкается... — Гелашвили изучал скомканную салфетку в руке, словно она символизировала то, во что превращается спокойная жизнь после опрометчивого поступка.

— Нет. Самоубийство исключено, — с обидой в голосе заявил я. — Так даже думать нельзя про нашу Юлю. Она, она... Вы ее совсем не знаете.

— Тогда ей кислоту подлили.

— Кто? За что?

— Я врач, а не следователь. Пострадавшую привезли из ночного клуба «Гонконг» на «скорой». Повезло, что вовремя. Мы успели многое, но внутренние повреждения достаточно серьезные.

— Где Юля? Я хочу ее видеть, — я вскочил на ноги.

— Сейчас нельзя, — жестом остановил меня хирург. — Девушка в реанимации. Она без сознания.

Я медленно опустился на стул.

«В реанимации, без сознания» — неужели эти ужасные слова о моей дочери? Какое, к черту, самоубийство? Еще вчера...

Да что «вчера», буквально сегодня вся наша семья была счастлива. Исполнилась многолетняя мечта — мы сменили тесную квартиру в пятиэтажке на новенький просторный таунхаус. Домик как с открытки. Фасад из красного кирпича словно перекочевал

в Подмоскowie из старой Англии. Перед входом лужайка и место для двух автомобилей, внутри два этажа с отделкой и дополнительный мансардный этаж. И это чудо недалеко от Москвы: пятнадцать минут по Новорижскому шоссе. Живи и радуйся!

Всего несколько часов назад, вечером, моя беременная жена Катя расхаживала в новом доме среди неразобранных вещей, светилась улыбкой и строила планы:

— Здесь будет детская, рядом с нашей спальней. Комната Юли подальше, чтобы не беспокоила малыша. Ой, еще столько надо купить, и мансарда не доделана. Хорошо, что кухню обставили и в гостиной есть диван, можно друзей пригласить. — Жена сложила руки на круглом животе и посмотрела на меня: — Юра, мы справимся?

— Конечно, я все рассчитал, — поспешил заверить я и бережно обнял жену сзади.

Мои ладони легли поверх ее рук, щека коснулась пышных каштановых локонов, взгляд опустился в треугольный вырез халата на округлившуюся грудь — и мне стало так хорошо. Поздняя незапланированная беременность возродила нежность в наших отношениях, размеренная жизнь приобрела новый смысл, появилось желание все поменять. Мы оба словно помолодели.

Рождение малыша — настолько сильный мотив, что за полгода я решил проблему с новым жильем и, помимо этого, настоял, чтобы Катя ездила на самом безопасном автомобиле. Пришлось взять еще один кредит, чтобы купить ей новенький «вольво».

Тогда на кухне я вдохнул родной женский запах, в котором преобладало пьянящее умиротворение, коснулся губами ее щеки и прошептал:

— Ты у меня такая, такая...

— Давай без этого, — вырвалась она из объятий. — Как ты не можешь понять, что я волнуюсь.

— Нет никаких причин для беспокойства. Ипотека на двадцать лет, проценты умеренные. На выплаты уйдет только треть моей зарплаты — нынешней, а со временем я буду получать больше. Нам хватит.

— Двадцать лет, — вздохнула Катя. — Нам по шестьдесят стукнет, когда мы расплатимся за дом. А еще кредит на машину.

— Не думай о трудностях, думай о ребенке.

— Я ведь долго не смогу работать, а малышу знаешь сколько всего понадобится?

— Все у нас будет, я обеспечу. А сейчас... — Я с затаенной гордостью повел рукой, демонстрируя новое жилье. — Сегодня у нас праздник. Отметим?

— Извини, я не успела ничего приготовить.

— Ерунда. Вино и сыр у нас найдутся.

— Мне не до вина. — Катя бережно, с затаенной гордостью, провела ладонью по животу.

У меня всякий раз замирало сердце, когда я видел этот жест. Катя пошла в гостиную. Смотреть на нее сзади было еще приятнее, у нее даже талия сохранилась. Она присела на диван.

— Я устала, отмечать будем послезавтра. Приедут твой брат с Наташей. Мы уже с ней обо всем договорились, она поможет. А праздник сегодня у нашей Юли.

— Где она, кстати? Нарядилась и умотала. Уже поздно, — забеспокоился я о восемнадцатилетней дочери.

— Ты что, забыл? Юлю на обложку «Elite style» утвердили. — Катя улыбнулась, явно гордясь дочкой, так похожей на нее в молодости.

— В этой суматохе голову потеряешь. — Я сдвинул ногой коробку, расширяя проход к дивану.

Честно говоря, я не одобрял упорное стремление дочери стать моделью. Юлька красивая, фотогеничная — этого не отнимешь, но симпатичных девчонок прорва, а успеха достигают единицы. Да и что это за профессия — торговать собственной красотой? Красота эфемерна. Сегодня она есть, а завтра увянет, или стандарты красоты изменятся. Ненадежно все это.

Вот я закончил факультет вычислительной математики МГУ, хотел стать ученым, но жизнь подтолкнула к более востребованной профессии — разрабатываю программное обеспечение для банков. И наплевать, как я выгляжу, главное, чтобы голова соображала. На том же факультете училась Катя. Правда, после окончания университета не потянула серьезное программирование, зато стала квалифицированным бухгалтером. У Юли тоже есть способности к математике, но она угробила время и деньги на обучение актерскому мастерству, танцам, косметологии, на

создание портфолио. Упорство принесло результат, ее заметили. Но что будет с ней через пять-семь лет? Новое поколение красоток неизбежно вытеснит поблекших моделей.

Я не стерпел и высказал недовольство:

— Ее что, ночью будут снимать?

— Съемки для журнала послезавтра. А сегодня Юля с подружками в клуб поехала. Да не дуйся ты. Дело молодое, есть повод для радости. Успеет еще выспаться, чтобы лицо было свежим.

— Ночной клуб, стилисты, фотографы. Лучше бы она в университет поступила, как мы.

— Не ворчи. — Жена потянула меня за руку, я плюхнулся рядом. Катя прижалась боком, склонила голову на мое плечо, вздохнула. — Кто знает, что лучше, что хуже? В жизни много разных возможностей. Мы идем планомерно вверх по лесенке...

— А она хочет перескочить через все ступеньки. — Я с сомнением покачал головой.

— А вдруг у нее получится?

Ох, эта женская вера в чудо. В глубине души все они Золушки. Я промолчал, чтобы не затевать спор.

Катя заглянула мне в глаза, смущенно улыбнулась:

— Я спать пойду, с ног валюсь.

— Ложись, конечно, а мне придется...

Я повел рукой, показывая, что продолжу разбор вещей. Жена, как водится, не удержалась от наставлений:

— Коробки с одеждой подними на второй этаж. Те, что с посудой, сложи на кухне. Только не разбирай без меня, ты напутаешь, я завтра сама этим займусь.

Кто бы спорил, так даже проще. Катя ушла. Я перенес коробки, не уставая радоваться простору нового дома. Здесь и третьему ребенку найдется отдельная комната, жаль, что мы припозднились со вторым. Перед сном я выпил вина и заснул с теплым чувством в груди: как же хорошо.

А ночью меня разбудила неприятная вибрация мобильного телефона. Звонок был отключен, на дисплее высветился незнакомый номер. Сердце сжалось в дурном предчувствии. Чтобы ответить, я покинул спальню. Звонили из больницы, сообщили, что к ним доставили девушку, по документам Юлию Серову, просили срочно приехать близкого родственника.

У меня подкосились ноги. Несколько минут я сидел оглушенный. Вязкая пустота, словно болото, поглощала все мысли. Убедившись, что разговор мне не приснился и на клочке упаковочной бумаги моей рукой записан адрес больницы, я оделся и уехал, стараясь не разбудить жену.

И вот я сижу в кабинете хирурга, который только что разъяснил ужасные последствия произошедшего. Сознание отторгает свалившуюся беду, не желая верить. Почему мы? Ведь все плохое случается с кем-то другим, где-то далеко, в телевизоре, в новостях, в интернете, а моя семья защищена от несчастий. За что нам такое?

— Я должен ее увидеть, должен, — заявляю я, с надеждой глядя на хирурга. — А вдруг это не Юля? Вдруг вы ошиблись?

— Ну хорошо, пойдемте, — подумав, соглашается врач.

В палате реанимации на специальной кровати с бортиками, под капельницей, с трубками во рту лежит молодая девушка. Я подхожу вплотную, долго всматриваюсь, хотя сердце екнуло сразу. Сомнений нет — это моя единственная дочь Юля. Внешне она не изменилась — все та же красавица, только смертельно бледная. А внутри, по словам хирурга...

Я представил себе ужасные последствия воздействия кислоты и меня передернуло. Я отвожу взгляд, делаю шаг назад и сипло спрашиваю Гелашвили:

— Что я могу сделать для нее?

— Сдайте кровь. Это всегда нужно.

2

Мой старенький «пежо», брошенный посреди лужи, покапризничал и завелся не сразу. Когда двигатель наконец заурчал, я включил обогрев и устало прикрыл глаза. Мне было не по себе, я отключился во время сдачи крови и до сих пор испытывал неприятное головокружение.

Терзающая душевная боль дополнилась новой тревогой: как Катя перенесет известие о том, что с дочерью случилось несчастье? Врачи и так накрутили ее, что поздняя беременность таит

много опасностей, просили избегать волнений, а как в этом случае не волноваться? Чем я ее успокою? Постепенно я пришел к мысли, что лучше повременить с правдой, подождать, пока Юля придет в себя.

Поколебавшись, я решил не возвращаться домой, а сразу ехать на работу. Время — почти семь, и по телефону проще утаить страшное, чтобы не встревожить жену.

В «Юпитер-банке» я занимаю должность руководителя отдела информационной безопасности. В мои обязанности входит обеспечение бесперебойного функционирования банкоматов, платежных терминалов, устройств по приему пластиковых карт и электронных денежных переводов. Ключевых сотрудников отдела всего двое — я и молодой амбициозный ведущий инженер Олег Голиков. Мы занимаем отдельный кабинет, где никогда не отключаются полдюжины компьютеров с большими мониторами.

Олег — циничный меркантильный приспособленец, но специалист толковый. Несмотря на разницу в возрасте в двенадцать лет, мы общаемся по-приятельски.

— О, привет! Ты что так рано? — удивился Голиков, застав задумавшегося начальника перед остывшей кружкой чая.

Я не люблю костюмы и галстуки, зимой предпочитаю трикотажную одежду, а летом легкие пиджаки и джинсы. Олег, в отличие от меня, всегда одет с иголочки. Внешний облик он ассоциирует с успехом, поэтому ездит на черном «ягуаре-купе», заказывает престижные итальянские костюмы, дополняя их аксессуарами известных брендов. Правда мало кто догадывается, что автомобиль у него не новый, вместо швейцарских часов китайская копия, а живет он за городом с родителями в тесной старой квартире.

— Я-то не из дома, загулял вчера, одноразовая встреча, а вот ты? — продолжил бесцеремонный допрос Голиков.

Я мысленно посмотрел на себя глазами лощеного коллеги. Потертый воротничок рубашки-поло, вспотевшие подмышки, забрызганные брюки, понурый вид — типичный неудачник в представлении молодых. Еще вчера я бы и сам смущенно поправлял одежду и протирал обувь, но сегодня после визита в больницу собственный облик в шкале приоритетов уменьшился до размеров песчинки. Меня мучило другое: что сказать Кате?

Я до сих пор не решился позвонить жене. Я взял телефон и от-
вернулся от назойливого коллеги. Тянуть с разговором дальше
было нельзя.

— Катя, это я, доброе утро, — стараясь говорить бодро,
я приветствовал супругу. — Не удивляйся, что уехал не попрощавшись. Не хотел будить. Понимаешь, вызвали на работу по-
раньше, у нас тут проблемы... Юлия? О ней не беспокойся. Она
звонила мне, предупредила, что заночует у подруги... У той, с ко-
торой она всегда... Ехать за город было далеко, а та живет рядом
с клубом.

— Подруга по имени Арсен? — ехидно подмигнул Олег. —
Был я вчера в одном ночном клубе, там такие девочки, вокруг них
столько соблазнов и соблазнительей.

— Ладно, Катя, мне некогда. Потом перезвоню. — Я свернул
разговор с женой, пока она не раскусила фальшь в моем голосе.

Бесстрастным взглядом я наблюдал привычную церемонию.
Голиков водрузил на стол кожаный портфель, снял пиджак, ак-
куратно повесил его на плечики. Из письменного стола он до-
стал пакет из химчистки со свежей сорочкой. Снял вчерашнюю,
переоделся. Узел галстука оставил ослабленным и подтянул
манжеты на рукавах ровно настолько, чтобы стали видны «пре-
стижные» часы. По рыцарскому кресту на циферблате и тако-
му же лейблу на портфеле знающий ценитель мог определить,
что оба аксессуара принадлежат дорогому швейцарскому брен-
ду «Vasheron».

— У нас что-то случилось? Ты упомянул о проблемах, —
спросил Олег, извлекая из портфеля пакет с зелеными ябло-
ками.

Решив бросить курить, он покупал их каждое утро, заменяя
сигареты яблоками по совету модного журнала. «Витамины
вместо никотина», — шутил он. Ритуалу исполнился почти год,
за это время ежедневная порция яблок существенно умень-
шилась.

— Это я так, для жены, — отмахнулся я.

— Ушам не верю. Да ты ходок, Юрий Андреевич. Уж не завел
ли ты длинноногую модель, как наш босс Радкевич? Его жена
вечно отдыхает по заграницам, а он времени даром не теряет —
гуляет здесь. Видел, какая у него красotka? Держи.

Олег швырнул мне яблоко. Бросок также являлся частью ритуала, но сегодня я был настолько заторможен, что сплеховал. Я запоздало дернул рукой, яблоко ударило меня в грудь, шлепнулось под ноги и покатило по полу.

— Не видел и видеть не хочу, — проворчал я, поднимая яблоко.

— А я бы от такой красотики не отказался. Когда-нибудь отобью ее у босса. — Олег хрустнул сочным плодом, небрежно сидя на краешке стола. Прожевал и мечтательно улыбнулся: — А может, и получше закадрю.

Я не стал поддерживать пустой разговор и постарался сосредоточиться на работе. Бесполезно. Вскоре я убедился, что модернизировать сложную программу сегодня не в состоянии, не позволяла душевная боль, мешавшая сосредоточиться. Раздражало все: привычное гудение компьютеров, шум кондиционера, скрип кресла и даже битое яблоко, попадавшее в поле зрения.

Я переключился на рутинный труд, которым обычно занимался Голиков. Это проверка каналов связи, анализ текущих цифр, поиск сомнительных операций. Я стремился хоть чем-то занять мозг, чтобы вытеснить угнетающие мысли о семейной трагедии. Постепенно технические проблемы отодвинули на задний план остальное. Мне бросилось в глаза явное несоответствие.

Я вслух прокомментировал увиденное на мониторе:

— Какая-то ошибка. В терминалы поступила одна сумма, а на счет зачислена сумма меньше.

— Где? — откликнулся Голиков и подкатил в офисном кресле ко мне. — Ах, это. Никакой ошибки, сейчас подправлю. Подвинься.

— Что ты делаешь? — нахмурился я, наблюдая, как Олег вносит изменения в таблицу банковских транзакций.

— Свою работу. Ввожу скрытый корректирующий коэффициент, согласно распоряжению босса. Вот так. Теперь суммы в отчетах совпадают, и никакая проверка не подкопается.

— Я что-то не понял насчет коэффициента.

Голиков усмехнулся:

— Юрий Андреевич, не будь наивным. Ты думаешь, зачем Радкевичу сеть сомнительных платежных терминалов «Юпитер-оплата», если у нас имеются официальные банкоматы?

— Расширение бизнеса.

— Правильно. Но какого бизнеса? — Глаза Олега хитро блеснули, он понизил голос: — Через терминалы поступает неучтенная наличка. Босс сам спускает мне нужный процент, и я подгоняю отчетность, чтобы все было чики-пики.

— Почему я не в курсе?

— Потому что ты правильный, а я гибкий, — снисходительно улыбнувшись, выпятил грудь Голиков. — Зачем ты вообще полез не в свою зону ответственности?

Я сжал ладонями голову, вспомнил о дочери и простонал:

— Отстань.

— Перебрал вчера? — посочувствовал Олег. — Выйди, проветришь, выпей крепкий кофе. Могу аспирином поделиться.

— Ничего я не хочу! — взвился я, схватил битое яблоко и швырнул его в корзину с мусором.

— Баскетболист из тебя хреновый, — прокомментировал бросок Голиков, глядя на опрокинутую корзину и ускакавший плод.

Он покачал головой и пошел устранять последствия неумелого броска.

Я остался один на один с тяжелыми мыслями, чувствуя себя хуже некуда. И жизнь, и работа разом повернулись ко мне неприглядной стороной. Мои руки долго не прикасались к клавиатуре, и дисплей погас. В черном зеркале монитора отражалось мое огрубевшее лицо и потемневшие контуры кабинета, словно я сам и мир вокруг попали в мрачное зазеркалье. Смотреть в жуткую черноту было невыносимо.

Я ударил по клавишам, ввел пароль в появившемся на мониторе окошке и раскрыл таблицы движения средств по счетам. Надо делать хоть что-то, лишь бы не оставаться один на один с гнетущими мыслями. Моя зрительная память отлично запоминала числа, все-таки я математик по образованию, а не поэт. Поток чисел, за которыми стояли денежные суммы, затягивал меня в головоломную воронку, заставляя их сравнивать и анализировать. Спустя час я нашел целый ряд сомнительных операций.

— Опять какая-то ерунда. Что-то не так, — бурчал я, копируя суммы и номера счетов в отдельный файл.

— Ну что еще? — высказал недовольство Голиков, с сомнением покосившись на меня.

Пришлось распечатать таблицу и разъяснить:

— Смотри. В суточных выписках эти переводы есть, а в отчете за месяц отсутствуют.

Олег оттолкнул свое кресло на колесиках и подошел ко мне. Его взгляд был колючим и ироничным одновременно. Голиков пощелкал пальцами около моих ушей, словно будил спящего.

— Эй, идеалист, проснись! Ты думаешь: чем мы зарабатываем? Депозиты-кредиты? С ними легко прогореть. Мы не Сбербанк, которому все доверяют. Радкевич выбрал другую нишу для бизнеса.

— Взять деньги и смыться?

— До этого еще не дошло. Наш банк оказывает услуги особого рода.

— Какие же?

— Если в двух словах, то криминалу надо отмыть деньги, чиновникам обналить откаты и спрятать их в офшоре. Есть спрос — будет предложение.

— Обналить и спрятать.

— Наконец дошло.

Меня распирала обида:

— Я месяцами работаю над программами, ставлю преграды для мелких мошенников, а тут...

— Да что с тобой? — начал раздражаться Олег. — Ты не такой, как всегда.

— Кое-что случилось.

— Что же?

Мне не хотелось говорить про дочь, для чужого человека это лишь любопытная информация, а для меня непрерывная боль. И я хлопнул ладонью по сомнительной таблице:

— Вот это!

Голиков хмуро вглядывался в мое лицо, словно видел впервые. Я с вызовом ответил на его невысказанный вопрос:

— Что, не нравлюсь?

— Забудь.

Олег выдернул из-под моей руки страницу с номерами счетов, вернулся к своему столу и сосредоточенно захрустел яблоком.

Даже его спина выражала презрение. Швырнув огрызок, словно окурок, Голиков вышел из кабинета.

«Заложит», — равнодушно подумал я.

Спустя двадцать минут я внутренне усмехнулся своей прозорливости — меня вызвали к Радкевичу.

Путь к директорскому кабинету не занял много времени — только подняться на этаж выше.

— А, это ты, Юра? Заходи, — нарочито дружески приветствовал меня владелец банка.

Радкевич не предложил мне сесть, а сам вышел из-за стола на встречу. Он был немного старше меня. Я знал, что первоначальное состояние он сколотил на торговле левым алкоголем. Рискованный бизнес закалил его характер, придал уверенности, но расшатал нервы. В последние годы Борис Михайлович Радкевич сосредоточился на банковском деле, менее прибыльном, зато респектабельном и комфортном. Теперь он мог уделять много времени своей главной страсти — породистым лошадям. Говорили, он владеет конюшней где-то за городом. Выражение лица банкира легко менялось в зависимости от обстоятельств. Он привык повелевать подчиненными и выражать сдержанное уважение сильным мира сего.

Глядя на босса, я еще раз убедился, на кого стремится быть похожим Голиков. Престижные костюмы, обувь, часы, автомобиль — только у Радкевича все настоящее и обновляется чаще.

На стенах просторного кабинета были развешаны стильные черно-белые фотографии лошадей, напечатанные на ткани.

— Красивые животные. — Радкевич остановился у одной из рамок. — Лошадей любят и ценят, создают им условия, которым могут позавидовать многие двуногие.

Радкевич улыбнулся собственному каламбуру, перевел взгляд на меня и помрачнел.

— Но у каждого жеребца, даже самого распрекрасного и дорогого, есть свой хозяин. Хозяин решает, кого — под седло, а кого — в упряжку.

Я не знал, что ответить. Босс выждал паузу и указал на соседний снимок:

— Посмотри, какая выразительная тройка. Чудо животные. Чувствуется мощь, стремительность, они действуют как единое целое. А вот эта маленькая деталь сбоку от глаз — это шоры.

Полезная штука, конь смотрит только вперед, не отвлекается на постороннее. Если надо повернуть, кучер подскажет ему направление ударом кнута. Ты понимаешь, о чем я?

Я уже понимал, однако ответил:

— Мне больше нравятся лошадиные силы под капотом.

Взгляд Радкевича похолодел.

— Ты хороший специалист, Юра. Я тебя ценю и создаю условия. Разве не так?

Я вынужден был кивнуть. Мои кредиты на новый дом и машину были оформлены по его распоряжению. Да и с зарплатой он не обижал.

Радкевич сдержанно улыбнулся и похлопал меня по плечу.

— Вот мой совет. Занимайся своим делом и не смотри по сторонам. — Радкевич вынул из кармана листок с моей таблицей сомнительных сумм и демонстративно разорвал его на мелкие клочки. — Мы друг друга поняли?

Я снова кивнул.

— И вот еще что, — напоследок пожурил Радкевич, — не забывай надевать свежую рубашку по утрам. Это улучшает настроение и тебе, и окружающим.

Как легко давать советы! Если бы этот рецепт работал, я бы менял рубашки каждый час.

3

Вечером я вошел в свой дом, словно провинившийся школьник, скрывающий двойку от родителей. Я двигался скованно, старался не встретиться с супругой взглядом, изображал усталость. После вчерашнего бардака гостиная и кухня предстали в идеальном порядке. Катя славно потрудилась, разбирая коробки, и я позаиводвал — ей было чем заняться.

— Наконец-то. Почему так долго? — встретила меня на кухне озабоченная супруга. Она вытерла руки, смахнула со лба прядь волос и убавила пультом громкость телевизора. — И Юля шифруется. Я ей несколько раз звонила, а она сообщения в ответ присылает.

— Что пишет? — спросил я и ужаснулся фальши своего голоса. Но Катя не обратила внимания. Одной рукой она подцепила телефон со стола, другой небрежно качнула пальцами в направлении плиты:

— Я уже поужинала, ты сам положи себе сколько хочешь.

Она набрала номер дочери, напряглась в ожидании, гладкий лоб прорезала морщинка тревоги. Неожиданно вместе с гудками она услышала ответную трель из кармана моих брюк. Ее правая бровь взметнулась вверх, вопросительный взгляд уперся в мое смущенное лицо.

Вот я растяпа! Забыл отключить звук! Делать было нечего, я склонил голову и выложил на стол белый смартфон, который мы недавно подарили Юле на день рождения.

Пришлось признаться:

— Юля не может говорить. И сообщения тебе посылал я.

После работы я снова заезжал в больницу. Дочь пришла в сознание, была напичкана обезболивающими, а ее чарующие глаза, которые так обожали фотографы, постарели на десять лет. И самое ужасное — вместо волнующей поволоки в них поселилось темное отчаяние.

— Кто это сделал? — подавив ком в горле, спросил я у Юли.

Говорить или качнуть головой она не могла, лишь беспомощной хлопнула веками: не знаю. И заплакала. Я сжал руку дочери и тоже не смог сдержать слез. Я не знал, как ее утешить, дрожь в моем голосе и беспомощный вид только расстроили бы ее.

— Держись, — выдавил я и был благодарен медсестре, выведшей меня из палаты.

Узнав телефон дочери в моей руке, Катя медленно опустилась на стул. Ее сузившийся взгляд прощупывал меня так, словно под привычной одеждой прятался незнакомый человек.

— В чем дело? — спросила она.

Я мучительно подбирал слова:

— Все в порядке. Почти. Самое худшее уже позади. Наша Юля в больнице, но ты не волнуйся.

— Что случилось? — настаивала жена.

Мне стоило больших трудов рассказать о произошедшем так, чтобы Катя не упала в обморок. А потом потребовалось еще больше усилий, чтобы удержать ее дома и хоть как-то успокоить.

— Сейчас не время, к Юле не пустят, она спит. Подождем до завтра, — твердил я, а Катя рыдала на моем плече.

На следующее утро мы вместе приехали в больницу. Катя сразу направилась к дочери, а меня перехватил в коридоре озабоченный Давид Гелашвили.

Хирург заговорил вполголоса, но тоном, не терпящим возражений:

— Оставьте жену. Нам надо переговорить с глазу на глаз.

— Я ее успокаивал, как мог. Она на седьмом месяце беременности, проплакала всю ночь. Можно, чтобы рядом с ней кто-то был? — Я порывался сопровождать Катю.

— Об этом не беспокойтесь, у нас опытный персонал. — Врач дал распоряжение медсестре и увел меня в свой кабинет. Поставив передо мной стакан с водой, он сел напротив и сложил руки: — У меня две новости.

— Плохая и хорошая? Сначала хорошую, — бодрился я, предчувствуя недоброе. — Плохого, знаете ли, за вчерашний день...

— Состояние вашей дочери стабилизировалось, угрозы жизни нет. Но для полноценного восстановления организма потребуются донорские ткани и дорогостоящие операции. Если хотите совет, то лучше это делать в Германии. Вы не подумайте, у нас тоже есть хорошие хирурги, но юридические аспекты с донорскими органами настолько запутаны, что можно и не дожидаться.

— Я понимаю, понимаю... О какой сумме идет речь?

— Я подготовлю необходимые медицинские документы, пошлю в немецкую клинику. Посмотрим, что они ответят.

— И все-таки? У вас же был подобный опыт.

— К сожалению, поврежден весь желудочно-кишечный тракт, потребуется не одна операция. Думаю, надо ориентироваться на сумму от ста пятидесяти до двухсот тысяч евро. — Хирург замаялся. — При нашей клинике создан благотворительный фонд. Средства ограничены, нуждающихся много, существует очередь, но... я бы на вашем месте поспешил.

Я понимающе кивнул:

— Да, конечно. Я работаю в банке, попрошу еще один кредит. Не двадцать, так тридцать лет буду работать на босса.

Гелашвили сжал губы и посмотрел на меня поверх очков так, словно я сморозил глупость.

— Есть еще одно обстоятельство, — промолвил он.

— Плохая новость? — Я вспомнил начало разговора и попытался пошутить: — Если даже комета врежется в Землю...

Я осекся под невеселым взглядом Гелашвили.

— Вчера вы сдали кровь. Мы ее проверили и... — Хирург раскрыл папку, чтобы свериться с результатом анализа, будто диагноз мог волшебным образом измениться. — У вас обнаружили ВИЧ-инфекцию.

Повисла долгая пауза. Я не сразу понял, что речь идет обо мне. В беде моя дочь, о ней все мысли и разговоры. Это несчастье также может отразиться на беременной жене, но я... Я мужик, я выдержу. Серые волосы и душевные муки не в счет, лишь бы Юля поправилась и Катя благополучно родила. О чем вообще речь? Может, я ослышался?

— Вы сказали: ВИЧ?

— Вирус иммунодефицита человека, — отчетливо, с расстановкой произнес врач.

— Тот самый ВИЧ у меня?!

— Вирус обнаружен в вашей крови. Мы, разумеется, проведем повторный анализ, и возможно... Но предупредить я обязан уже сейчас.

— Нет, не может быть. Я не наркоман какой-то... Я семейный человек. — Мои мысли путались. Я пришел сюда с одной проблемой, а меня огорошили совершенно другой. — Не понимаю, ничего не понимаю.

— Выпейте воды.

Я послушно опустошил стакан и посмотрел на доктора. Я не ослышался, это не сон и не шутка. Передо мной все тот же врач, на столе результат анализа с моей фамилией, там сказано, что я смертельно болен. Какие двадцать-тридцать лет? Все планы к черту. Я не протяну и до следующего года. И как я буду жить? Я съезжился, представляя себя уродцем, которого все избегают.

Врач наклонился ко мне через стол, заглянул в глаза и мягко заговорил:

— Не паникуйте, сосредоточьтесь на своем дыхании. Вдох-выдох, вдох-выдох. И считайте: раз-два, раз-два. Это звучит глупо, но вы попробуйте.

Я задышал. Разумеется, дышал я и до этого, но всегда этот естественный процесс был вспомогательной функцией организма. Я шел, думал, работал, занимался чем угодно и дышал как бы между делом, а сейчас я только дышал, шумно и сосредоточенно. И считал: вдох-выдох, раз-два...

Постепенно в голове прояснилось. Появились вопросы:

— ВИЧ — это СПИД?

— Нет-нет. — Гелашвили откинулся на спинку кресла. Самое неприятное он уже сообщил, к нему вернулась профессиональная уверенность. — ВИЧ — это хроническая, медленно текущая инфекция. Как правило, ее удается удерживать под контролем годами. Все зависит от образа жизни и применяемых препаратов. В этот период инфицированный человек чувствует себя хорошо, выглядит вполне здоровым и часто даже не догадывается о своей проблеме. Кстати, когда вы последний раз делали анализ крови?

— Не помню. Давно.

— Вирус проявляется не сразу. Через три, а порой и шесть месяцев после заражения.

— Как? Как я мог заразиться?

— ВИЧ передается от человека к человеку. Прежде всего, это половой путь при незащищенных сексуальных контактах. Или непосредственно через кровь: внутривенный прием наркотиков одним шприцем, инъекции, переливания...

— Подождите. А моя кровь? Вы перелили ее дочери?! — Я вскочил, готовый выбежать из кабинета, чтобы спасти Юлю.

— Ну что вы, для этого и существуют тесты. Сядьте и успокойтесь. Вы сейчас должны проанализировать свою жизнь и понять, от кого вы заразились. И конечно, в корне изменить свое поведение, чтобы самому не стать источником распространения инфекции.

— Катя. Моя жена, — всполошился я.

— Она беременна, всех беременных проверяют на ВИЧ в обязательном порядке. Если бы что-то обнаружили... Конечно, существует скрытый период. Я позабочусь, чтобы ее снова протестировали.

— Вот черт! Почему я? За что? — Я схватился за голову. — Как все не вовремя. Сколько мне осталось?

— Вы пока не больны, а только инфицированы.
— Но СПИД ведь неизлечим?
— Не паникуйте. У вас нет СПИДа.
— Не понимаю. Вы только что говорили про ВИЧ.
— Уясните простую вещь, — растолковывал доктор. — У вас в крови обнаружен вирус, с которым организм пока справляется. СПИД — это конечная стадия развития ВИЧ-инфекции. Она может наступить нескоро. Это зависит от многих факторов. Я вам дам брошюру. Тут все популярно изложено.

Я взял брошюру, прочел название: «С ВИЧ можно жить» и тут же свернул ее в трубочку. Несмотря на обнадеживающее название, оно пугало.

— Пока я не пройду повторную проверку, не говорите Кате, — попросил я.

— По закону эта информация является строго конфиденциальной. Я не имею права сообщать о вашем статусе ВИЧ-инфицированного никому: ни вашей жене, ни родителям, ни друзьям, ни коллегам. Вы сами решайте, как поступить.

Я вдруг вспомнил слова Гелашвили в нашу первую встречу: шаг в сторону — и ты в полете. И почувствовал, как пол уходит у меня из-под ног. Я лечу в пропасть.

— Так, — хирург непостижимым образом оказался рядом со мной, успел подхватить и встряхнул за плечи, останавливая головокружение. — Вам надо выпить пару таблеток.

— Что, уже началось?

— Выпейте успокоительное. — Врач наполнил стакан водой и передал две пилюли. — Это обычный шок. Вы еще стойко держитесь. Возьмите на работе пару дней отдыха.

— Но тогда все поймут, что со мной что-то не так.

— Хорошо, продолжайте работать. Живите как ни в чем не бывало. Почувствуете приступ паники, дышите, как я сказал.

— И все?

— Пока да. Это работает.

Врач стал говорить про направление к инфекционисту, комплексное обследование, дополнительные анализы, подбор медикаментов, а я считал вдохи и выдохи: раз-два, раз-два... Почему-то дальше двух я не продвигался, даже любимые числа отвернулись от меня.

Літературно-художнє видання

БАКШЕЄВ Сергій

На лінії вогню

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Координатор проекту *К. В. Озерова*
Редактор *С. В. Душкевич*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *А. Г. Верьовкін*
Коректор *Л. Ю. Єрдякова*

Підписано до друку 16.05.2017. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 13,44. Наклад 9000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Семейного Дозвілля». Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р.
www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

Литературно-художественное издание

БАКШЕЕВ Сергей

На линии огня

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Координатор проекта *Е. В. Озерова*
Редактор *С. В. Душкевич*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *А. Г. Веревкин*
Корректор *Л. Ю. Ердякова*

Подписано в печать 16.05.2017. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 13,44. Тираж 9000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга». Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНІСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г.
www.unisoft.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@bookclub.ua

Юрій Серов — сумлінний співробітник банку. У нього чудова родина, і, здається, життя вдалося. Але жадлива новина перевертає все з ніг на голову: його дочку намагалися отруїти, а сам Юрій дізнається, що він ВІЛ-інфікований. Серову потрібно швидко заробити багато грошей. Коли нічого втрачати — нема чого й боятися. Серов планує розправу над ворогами й придумує спосіб заробити на них. Хорошого Юри більше немає: у гру вступає мстивий, цинічний і обачний Доктор...

Бакшеев С.

Б19 На линии огня : роман / Сергей Бакшеев. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2017. — 256 с.

ISBN 978-617-12-3355-3

Юрий Серов — добросовестный сотрудник банка. У него прекрасная семья, и, кажется, жизнь удалась. Но ужасная новость переворачивает все с ног на голову: его дочь пытались отравить, а сам Юрий узнает, что он ВИЧ-инфицированный. Серову нужно быстро заработать много денег. Когда нечего терять — нечего и бояться. Серов планирует расправу над врагами и придумывает способ заработать на них. Доброго Юры больше нет: в игру вступает мстительный, циничный и расчетливый Доктор...

**УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос)**